

Полынь и конопля

Скоро у нас Новый год. Ветер вдоль реки дует — на всю ширину Столицы. По ветру носятся зловредные духи, и у нас говорят: так будет до самого праздника. А может, и дольше... Как бы не вышло, что разгонять их в этот раз окажется некому.

Духи тянутся к сладкому: к воде и зерну, к густой нашей каше, к новогодней столичной суете. А боятся — конечно, горечи. Поэтому стрелять по ним надо стрелами из полыни. Колчан таких стрел и крепкий лук есть у государева сподвижника из дома Ёдзи.

Вот только в нынешний год в Полынном доме все вымерли, кроме последнего старика.

Почти у каждого знатного столичного дома есть своя родня во всяких дальних землях. Воины на беспокойных окраинах, там, где надо дикарей замирать и послеживать за местными мятежниками. Говорят, у Ёдзи всегда были боевые лучники особенно хороши — как по их обряду и следует. Усмиряли они Север, было их много, жили кубарем, как полынь. И вот, на Урожайный праздник Государь повелел старому Ёдзи вызвать в Столицу кого-нибудь из Полынной воинской родни, достойного человека — чтобы принял стрелковую часть державного обряда.

В любом роду в Столице, как и всюду, — свои семейные обряды. Жреческий род, ученый или военный, разницы нет. И тут дело стариков — решать, когда и кому из молодой родни вручить обряд. Иначе с державным служением. Кто издревле помогает Государю в делах богов и духов — тот, значит, признает над собой Государеву жреческую волю. Получается: в семьях вроде Полынной их глава — старший родовой жрец, и он же служка при Властителе Земель. Поди управься!

Гонец от Ёдзи отбыл на Север и совсем скоро, через три месяца, воротился. Да не один: с ним верхом прискакал мордастый и усатый вояка лет около тридцати. У Встречной заставы видели, как он ждал возок — по-прежнему в седле. И с ним ждали конные дикие люди, косматые северяне. Из усадьбы Ёдзи привезли подходящее платье. Молодой господин все-таки спешился, разоружился, переоделся, снова взял свой лук и колчан, с третьего раза уместился в возке — сам грузный, да со снаряжением! — и поехал. А за ним гуськом тронулись его всадники.

Предстал дальний родич перед старшим в доме — с шишкою во лбу. Ударился по дороге, потому что не умеет как следует кататься в повозке. Старик поглядел на северянина, усмехнулся, признал внуком. Высчитали

удачный день и начали передачу обряда.

Целый месяц с Полынного двора нам слышно было, как гудят тетивы, стучат стрелы и новые слуги кричат на своем наречии. Наш старший господин Асано изволил молвить: в Государевом городе ощущаю себя, как в порубежной ссылке. *Отвсюду вопли дикарей.*

Потом старый Ёдзи объявил, что передал внуку Полынные стрелы, и лук свой, и тайное слово. А сам принял постриг и удалился в молельню Облачной Рожи — Унрин. Новый родич, провожая, его напутствовал:

— Ничего, дед, повоюем еще!

Сам же стал обустраиваться на новом месте. Половина слуг усадьбы Ёдзи осталась ему — кроме тех, кто последовал за дедом в монашество. Что-то они нам говорили, а что-то мы и сами слышим. Разговаривать тихо молодой Ёдзи не умеет. Не кричит и не шепчет, а всякий раз одинаково резко подает голос, будто дудка-чирикалка. Ходит быстро, таскает за собой лук с колчаном во все жилые покои.

И каждый день упражняется в стрельбе. Даже в пору очищения. Будто бы тогда ему особенно скучно: в гости не поедешь, в Обрядовую палату не пойдешь... Новой, северной челяди — ничего, а прежние слуги стесняются бояться выстрелов: как бы господин не счел, что они сомневаются в хозяйской меткости. Впрочем, к нам через стену стрелы пока не залетали.

По правде говоря, наши сомнения другие. Справится ли внук Ёдзи с обрядом? Столичные духи — это же не северные смутьяны. Мало быть искусным лучником... Обряд-то общий, ради всей державы, вместе вершат главы всех жреческих домов. Полынный должен действовать в лад с нашим Коноплянником, с Колокольником, Копьеносцем, Обезьянцем и остальными господами. Удастся ли?

Нашего Старшего господина друзья ободряли так. Сказано, мол, за морем в древние века о спутанной полыни: она сама собою выпрямляется, если растет подле стройной конопли. Так же и с Ёдзи будет — по соседству с нашими Асано.

* * *

Ведущий советник Полотняного приказа, сын главы Обрядовой палаты, средний наш господин Асано — ходит по двору Конопляной усадьбы, небритый и непричесанный, в домашнем платье распояской. Пояс на штанах накручен кое-как, но не завязан. Нельзя в присутствии богини затягивать узлов, как нельзя ни волосы срезать, ни заплетенного расплести.

Усадебные ворота открыты настежь. В них — передком во дворе, задом на улице — стоят на брусках священные носилки. Внутри носилок за занавесками — Конопляная богиня. А вокруг на земле сидят две дюжины монахов и послушников из обители Сэйтоку —

из родового храма при святилище Асано. Притащили святыню сюда и требуют, чтобы дом Конопля поддержал их прошение.

Раньше такого не бывало. Слышали в Столице, конечно, как в иных храмах монахи то запрутся в обители, то наоборот, всей толпой подадутся вон. Не станем, дескать, книг читать и подвижничать, пока нам крышу не перекроют новой черепицей. Или довольствие зерновое не повысят. Порою земельные управы осаждала бритая братия: не дралась, но служивый люд не выпускала, пока какую-нибудь бумагу им в пользу храма не подпишут. Но чтобы вот так — богиню в носилки подхватить, явиться с нею в город...

Чисты ведь, подлые! Отмолили себе право святыню трогать!

Ведущему советнику надо бы сегодня в Полотняный приказ. Скоро Новый год. Одних грамот о должностных назначениях в Столице — больше сотни полотен, не говоря уже о поземельных чиновниках. И всё надо прочесть, перепроверить, подготовить к скреплению Высочайшей печатью. Только идти на службу — через ворота, а в воротах богиня. Писем с извинениями, и тех не напишешь, не говоря уже о наказах подчиненным. Бумага ведь тоже — как ткань, окрашивать нельзя в присутствии святыни, даже самыми бледными чернилами. Сюда, в усадьбу, со вчерашнего дня доставили уже два-три десятка писем. Передают их подальше от ворот, через стену, но прочесть опять-таки нельзя: послания перевязаны тесемками, как положено, а узлы для нас нынче запретны.

Огня зажигать мы не можем, ибо дрова — те же дрова, не чужие Конопле. Подходим к калитке в стене, там слуги из соседней усадьбы передают нам котелки с кипятком и уголья для жаровен.

Бритые-то не мерзнут. Привычные к холоду, подвижники! А весна, как на беду, нынче теплая. Но ветреная.

Глава Обрядовой палаты был в гостях позавчера вечером, когда пожаловала богиня. Вернуться домой старший наш господин теперь не может. А с собою у него ничего почти нет: ни смены одежды, ни надобной утвари. Всё придется брать у гостеприимца, чужое — в его-то года как неловко! Но что с собою старший Асано захватил — так это календарь Темного и Ясного. А у сына, у Ведущего советника, на том же календаре были размечены все удачные и злосчастные сроки. Теперь и по светилам не рассчитаешь, как быть.

Женщины дома Конопля второй день ничем не могут заняться. Даже не выглядывают из дому и к себе никого не пускают. Нельзя предстать со спутанными волосами. И хуже всего: маленькая госпожа не понимает, почему ее держат взаперти. А для нее скверна особенно опасна, ведь она у нас — будущая

невеста государева сына...

Младший наш господин, Второй Кормчий, третий день пребывает во дворце, на службе — тоже воротиться не может. Все ему там сочувствие выражают. Сколько он ответных любезностей уже оказал — подумать страшно...

А монахи не уходят. Их главный сидит с дубиной, на макушке солнце блестит. Каждый час он на своих рыкает, двое младших выходят вперед и на два голоса зачитывают прошение в двух десятках статей. Голоса у них звонкие, выучка хорошая — весь наш двор уже эти статьи подряд наизусть выучил...

На Конопляном подворье у одного из монахов живет племянник, а у другого, у послушника — дедушка. Родичи уже как только не умоляли их: уймись и богиню в святилище унесите! А те в ответ: мы, мол, из дому вышли, от мирских бедствий отрешились, нам родня не указ! Будто не милостями наших господ Асано их обитель воздвигалась...

Один наш паренек, внук барышниной няньки, через забор перелез и отправился в обитель Сэйтоку, к настоятелю. Чтоб тот на своих монахов укорот нашел. Только путь неблизкий, а гонец пеший — без седла-то у нас никто на лошади не усидит, а подпругу затянуть опять же нельзя. Когда еще гонец обернется... Да и настоятель, чего доброго, со своими разбойниками заодно. Скажет: «Сейчас, когда святыня исконное свое место покинула, оставить храм я никак не могу!» И ничего с ним не поделаешь.

Ведущему советнику выйти бы к носилкам, воззвать к богине — все же он на подворье нынче главный. Да страшно: а ну как не послушает его богиня? А ну как и сама Конопля со смутьянами заодно окажется? Лучше не проверять.

Кругом беда! И вот, уже как смеркаться стало, средний наш господин говорит:

— В глубокой воде могу омочить кисти шапки, в мелкой воде могу омыть подошвы туфель.

Кивает в сторону Полынного забора. Это значит: раз ничего другого мне делать нельзя — посету соседа, нового господина Ёдзи.

— Он человек прямой. Быть может, и простит мне мое неряшество. Всяко я должен его поблагодарить — ведь вот как по-хорошему люди дома Полены помогают людям нашего дома.

И — в калитку.

* * *

Покои у господина Ёдзи просторные — и чище, чем можно бы опасаться при такой дружине. За перегородкою — жаровня, и там же выставлен столик с угощениями. Навстречу Коноплянному советнику почтительно выходит сам Поленный господин. И впрямь

— с луком и колчаном. На левое плечо натянута плотная, грубая куртка об одном рукаве: чтобы руку уберечь от тетивного удара. Во всем же прочем платье достойное, столичное. Лицо круглое. Той бороды, которой поначалу весь город пугали, всё же нету. А усы пушатся.

Перегородки в доме он оставил прежние, дедовы. С петлистым полынным узором.

Господин Асано просит прощения, что явился, не известивши заранее письмом. Благодарит за воду и огонь в трудный час.

Господин Ёдзи слушает, склоняя голову чуть вбок, морщит лоб:

— Как иначе? Соседи!

И тем же ровно-напряженным голосом добавляет:

— Только, будь то не в обиду господину Ведущему советнику, попрошу говорить погромче. А то я долго разбираю.

Непростая задача при нашем столичном обычае — говорить не тихо, но и не гневно. Впрочем, советнику Полотняного приказа доводилось передавать разный гнев: и тот, что на собеседника, и другой, что на обстоятельства, или в пользу собеседника на врагов его, или на вовсе посторонние дела из заморской древности. Справится.

— Пожалуйте, однако, к столу. Давайте-ка налью вам...

— Благодарствую!

Вроде бы теперь Полыннику стало проще разбирать. Можно и продолжить:

— Близится обряд Усмирения духов. А тут... Донельзя нехстати.

— А чего монахам-то от вас надо?

— Благодарю, что спросили. Жалобы у братии многочисленны, но главная — что их собрата несправедливо обошли при назначениях в Общинное собрание. Сами назначения еще не объявлены, но списки уже известны. А тот монах в них не значится по самой простой причине: Собрание его не выдвигало. Монахи нашего храма заявляют: дому Конопля следует обратиться к другим столичным домам, чтобы те повлияли на монахов своих храмов, чтобы оные монахи, сильные в Собрании, все-таки выдвинули нашего соискателя... Я же не хочу потакать подобному вымогательству. Первое: не уверен, что у меня в таком вопросе найдутся доводы, внятные для моих товарищей по Государевой службе. А отказ получить не хочется. Второе: при всем почтении к Трем Сокровищам — наглость поощрению не подлежит. Третье и главное: если монахи всякий раз будут так мучить Конопляное Вервие...

Полынный опять кивает. Будто раньше не понимал: в носилках на дворе у соседа — сама святыня.

Учтивому человеку и не следует такое понимать,

пока жрец той святыни сам об этом не скажет.

Ёдзи качает головой. Когда-нибудь и в родных его северных краях так же будет — между богами и их потомками встанут бритые вымогатели?

— Как же вышло, что они доступ к святилищу имеют?

— Веление самой богини. Храм выстроен, дабы Вервие защищало Просветленного, Закон его и Общину.

И еще: дабы в храме Коноплю чтили в образе медного изваяния. Как заморскую красавицу в узком платье и с непустыми силками — для уловления и спасения всех, кто тонет в пучине непостоянства. А то у других богов будут всякие истуканы — деревянные, лаковые и медные — и только у нашей не будет? Она бы не потерпела. О чем и возвестила однажды в старину, в третий год Раскрытия Доблести.

— А разогнать их никак нельзя? Не всех монахов напрочь, а этих вот. Они же, как я понял, от своего обряда отлынивают, сидя тут?

— Беда, что среди моих людей нет достаточно умелых бойцов на посохах. А мечи, не говоря уже о луках, нам сейчас никак не дозволены. Узлы, оплетки рукоятей...

— И господин Второй Кормчий в таком деле, верно, не может прислать на помощь своих корабельщиков...

— Да. Решать родовые обрядовые дела казенными силами недопустимо. Так судит мой отец, так же считаем и мы с братом.

— Тоже верно.

— Одним словом, напугать монахов нам нечем. Если бы мы прибегли к насилию, пришлось бы биться всерьез. Чего мы не хотим.

— Ну, да. Кровопролитие, сугубая скверна.

О старом Полынном господине известно: он-то со своими монахами тверд, братия Унрина себе ничего подобного не позволила бы. Но Ёдзи слышит: сосед сейчас не просит, чтобы он обратился к деду-монаху. Стравливать Облачную Рощу с храмом Сэйтоку, а значит, и со святилищем Асано — последнее дело.

— Я обычаев вашего рода вполне понять не могу. Но разве господину Асано запретно и воззвать к тому... или к той, кто...

В горькой печали советник кивает:

— К Вервию. Увы, не смею.

— Видно, я многого не понимаю. Но разве такая нерешительность богу не обидна? Когда страх ли, стыд ли для потомка выходит сильнее, чем честь и радость встречи с прародительницей?

И опять Конопляник кивает. Поводит рукавом. Отвечает:

— Воистину почетно быть соседом избранного главы рода! Еще почетнее, чем урожденного.

Несколько мгновений Полынный молчит. Проводит пятерней по лицу, хотя слез и нет. Да он и

плакать-то по нашему еще не умеет.

— Меня ж не за то в Столицу прислали, что я избранный. То бишь лучший. Скорей уж, наоборот. У нас на Севере другие мои родичи — нужнее. Чтоб быть хорошим стрелком, нужен слух. А я, сами слышите, на уши туг. В бою с врагом другие, кто остался — лучше меня.

— Необходимо в ночном сражении целиться на звук?

— И так тоже, но это не главное. Главное — слышать свой лук, свою тетиву и стрелу. Иным достаточно не ушами — жилами их слышать. Но я и того не могу.

Разводит руками:

— Кем я поистине восхищен — это здешними дворцовыми воинами. В бою их пока не видал, но в наших краях в таких нарядах, с такими хвостами да полами распашными — и лучший боец не сумел бы драться!

Советник содрогается: «пока»... Только сражений в Столице не хватало!

— Но для стрельбы по недобрым духам потребна иная меткость?

— Да. Вы ведь тоже — и с закрытыми глазами Вервие забросите, куда надо, и затынете, как следует.

Выговорил — и смутился: вдруг о Конопляном обряде так говорить не подобает? Асано опускает веки: всё хорошо.

— А духов я тут уже примеривался гонять. Мне по звездам рассчитали, когда они гуще всего вокруг усадьбы роятся.

Вот, стало быть, что означают стрельбы на его подворье в дни очищения.

— Надо ж было посмотреть, как они уворачиваются, здешние-то... В наших краях они все немножко другие.

«Все» — и боги, и духи. Северянин вздыхает:

— Скучаю я по ним.

Хорошо господину Асано: он из Столицы до своего родового святилища за два дня добраться может. А Полыннику до его северных святынь — никак не меньше месяца пути.

Прощаясь с соседом, господин Ёдзи ободряет:

— Вы только с носилок глаз не спускайте. А вдруг — знамение благое явится?

* * *

На следующее утро видим: как только монахи возгласили опять свое прошение, Полынные наши соседи во главе с господином вышли со своего подворья. И при себе имеют большой припас. Обошли усадьбу, приблизились к нашим воротам.

— Почтение Трем Сокровищам! — возглашает

господин Ёдзи обычным своим странным голосом и складывает почтительно ладони.

— Имей здесь, о добрый сын, — отвечает главварь с дубиной, слегка оторопев, — благое прибежище.

Господин назвался и махнул своим людям, чтобы расставляли котлы да бочонки.

— Ибо сказано: кто напитает достойного монаха...

— ...обретет заслуги, как если бы утолил голод восьмидесяти четырех тысяч страждущих. Только мы отсюда никуда не пойдём. Дело у нас. Святое, безотлагательное.

— Так и не надо! Улицы тут в Столице широкие, места хватит.

А люди Ёдзи меж тем расстилают циновки. Надобно сказать, что старший из челядинцев Полынного дома еще утром заглянул на наше подворье и с нашим господином почтительно пошушукался. Так что мы пока что убираемся прочь со двора. Но глаз с ворот не спускаем.

Бритые расселись, отрядили послушника, чтобы всем накладывал в чашки из котлов. Господин Ёдзи тоже сел, открывает бочонок, берется за черпак.

— Да мы не пьем, обет у нас!

— Тем лучше. Ибо сказано: кто напоит монаха, преуспеет, словно бы возвратил к деятельной жизни бесчисленные тысячи похмельных.

— Да нельзя...

— Обидеть хотите, да?!

И скользит рукою к мечу, и северяне его принамурились. Главварь монахов поправляет на плечах странничью накидку:

— Для истинного подвижника нет разницы между чистой влагою и взбродившей. Наливай, добрый сын!

— Вот! Вы же вроде как в походе? Значит — можно! Для здоровья. И мне в храм не ехать: прямо тут меня на путь и наставите, удобно.

— Изволь, добрый сын. Есть, стало быть, в здешнем мире суеты три отравы...

— Да какая же отравка, брага отличная!

— Речь не о том. Первая отравка — гнев! Исходит из возвышения своего и принижения чужого. Они же имеют корнем направленность ума на предметы немислимые. Когда, проще говоря, хочешь иного — чего пока не знаешь. Когда же тянет тебя к уже известному, так то будет алчность. Но и гнев — воистину пагубен! Побуждает ко зверству, и воздается на него рождением в мире скотском. Станешь лошадьё и будешь возить тех, на ком бы прежде и сам рад был прокатиться...

— Баб, что ли? — спрашивает один из Полынных людей.

— Их тоже. Ибо вторая, еще горшая отравка на свете — та самая алчность! Исходит из ложного разделения на свое и чужое. К примеру: на бабье и

мужское, на Столицу и глушь, на вежество и дикость...

И пошел, пошел проповедовать. Брага льется. Господин Полынный слушал всякие страсти — про воздаяние в обличье птичьем, гадском и демонском, про голодных бесов и подземных узников. Потом попросил ободрить: есть же, наверное, примеры добродетели и в мире, и в нашей Облачной стране? Нашлись и такие. В прошлых веках и в нынешнем.

— Так выпьем за праведного Уна!

И за Уна, и за подвижника Камэя, и за чудотворца Мэйраку тоже. И за старого господина Ёдзи, принявшего ныне монашество. Слышим — кого-то уже и воспевают:

*На Медвежьих на горах
Жил да был один монах.
Каждый вечер на заре
Восклицал он: аварэ!*

Проникся господин сосед святым учением. Сдергивает шапку с головы. Молвит главарю:

— Под... прост... постригай, наставник!

Сколь бы ни были бритые нынче наглы и пьяны, но тут попятнулись. Видят всё же, с кем гуляют:

— Для того ли тебя, о добрый сын...

— Внук!

— Хорошо, добрый внук: затем ли тебя вытребовали незнамо откуда, чтобы ты, не продолжив рода...

— Не важно! Я к вам из дому вышел, а *плох тот боец, кто ни с чем идет на попятный...*

И заносит клинок, будто сам себе собирает волосы срезать.

Это — знак нам. Выбегаем все разом, хватаем носилки, с ними — во двор, и ворота — на засов!

Удалось!

— Ээ, куда?! — кричит господин Ёдзи в недоумении.

* * *

Незадолго до нового года богиня Аса после посещения Государевой Столицы возвращалась домой в сопровождении множества паломников, со всей пышностью, что пристала роду Конопля. Почтительно следуя за носилками, господин глава Правой стражи из рода Колокольников спросил у Ведущего советника Полотняного приказа:

— Не оставляет меня беспокойство. Справится ли с обрядом новый господин Ёдзи на Новогодие?

— Да оставят Вас сомнения: справится, — отвечивал господин Асано.